

Порядок чтения книг Вселенной Упорядоченного. Буква «о» в скобках означает отступление от основного сюжета: события идут либо параллельно с основным сюжетом, либо до основного сюжета.

- Гибель Богов
- Воин великой тьмы (о)
- Земля без радости (о)
- Тысяча лет Хрофта (о)
- Алмазный Меч, Деревянный Меч
- Рождение мага
- Эльфийская стража (о)
- Дочь некроманта (о)
- Странствия мага
- Вернуть посох (о)
- Одиночество мага
- Война мага
- Война ангелов (о)
- Память пламени
- Удерживая небо
- Пепел Асгарда
- Асгард возрожденный
- Хедин, враг мой
- Прошедшая вечность
- Орел и Дракон
- Восстание безумных богов. Северная Ведьма (о)
- Душа Бога. Том 1
- Душа Бога. Том 2
- (именно эта книга и завершает основную историю Упорядоченного)
- Когда мир изменился

ОТ АВТОРА

Поставив точку в «Алмазном Мече, Деревянном Мече», я уже точно знал, что стану писать дальше и кто станет главным героем: Кэр Лаэда, тогда еще просто бывший воин Серой Лиги Фесс, житель Долины Магов, сбежавший оттуда в поисках приключений.

Приключений на его долю действительно хватило.

Почему именно он? Почему не Император — куда более, как мне казалось, интересный и харизматичный герой?

Наверное, так получилось, что будущий некромант Фесс унаследовал многие мои черты. Это не всепобеждающий «нагибатор», как говорят сейчас в Сети: он ошибается, набивает шишки, падает, поднимается и вновь идет вперед. Не «маленький человек», как хоббиты у Толкина, — нет, человек «длинной воли», только не очень понимающий, куда эту волю деть и к чему ее применить. Плюс вечная тяга к тому, чтобы писать поперек линованной бумаги.

Можно сказать, что Фесс и не сам выбрал такую судьбу, его выбрали Мечи, Алмазный и Деревянный, сделав его своим хранителем, ибо эта пара клинков — далеко не только лишь «просто магическое оружие», как станет ясно во втором томе «Души Бога». Но что я знал точно, приступая к работе над «Рождением Мага», — что этот Маг будет, во-первых, темным, некромантом. Изначально задумывалась трилогия под рабочим названием «Приключения темного Мага», из трех томов: «Рождение», «Странствие» и «Война». Всё казалось относительно просто. Знал бы я тогда, что стою на пороге восьмилетней работы, и хотя формально трилогия

сделалась всего лишь тетралогией (добавилось «Одиночество Мага»), в реальности получилось десять томов «стандартного размера», как говорили тогда.

Кэр Лаэда должен был поистине опалить душу, пройти сквозь огонь, чтобы всем существом своим осознать тот самый «принцип меньшего зла», всю ложность посылки, что между двумя видами зла не нужно делать вообще никакого выбора. Это ложная и парализующая парадигма. Военачальник посылает отряд в разведку боем, прекрасно зная, что вернутся не все, — но добытые сведения сохранят жизни куда большему числу бойцов...

Так или иначе, но мир Эвиала создавался медленно и непросто. Слишком много требовалось ввести туда сущностей, начиная с Западной Тьмы, чтобы он действительно сделался живым, настоящим, а не просто лишь театральными декорациями для возвышения героя. Так появились Святой Город Аркин, так появился Волшебный Двор с чародейкой Меганой, Империя Клешней и многое другое. Мир оказался и впрямь богатым, сложным, что отчасти и обусловило усложнение самой структуры саги о некроманте Фессе. Многие начавшиеся истории просто нельзя было оставить без завершения.

Ну и всегда надо помнить, что настоящая история всегда имеет только начало, но не конец.

ЧТО БЫЛО РАНЬШЕ

Когда в мире Мельина властвовали и вели между собой смертельную борьбу расы гномов и молодых эльфов, иначе называемых также Дану, их мастерами-волшебниками были созданы два магических меча; гномами — Алмазный, или Драгнир, а Дану, властителями лесов, — Деревянный, или Иммельсторн. Вся ярость народов оказалась вложена в эти мечи; и, сойдись они в бою, высвобожденная мощь с легкостью уничтожила бы мир. Волею всемогущей судьбы два этих меча пробудились одновременно. Драгниром не без хитрости, коварства и предательства завладел гном Сидри Дромаронг. Иммельсторн захватили маги людской расы, использовав рабыню Дану по имени Сеамни Оэтаканн. Во время войны, где все сражались против всех: людская Империя — против Раду-ги, семи магических орденов, Дану и гномы — против людей и друг против друга, вдобавок началось вторжение странных существ, именовавших себя Создателями Пути; миру Мельина они несли всеобщее уничтожение. В кровавом хаосе всеобщей смуты начали сбываться зловещие Пророчества Разрушения, Алмазный и Деревянный Мечи уверенно шли навстречу друг другу, неся с собой смерть и уничтожение.

Среди сподвижников Императора людей был некто Фесс, молодой воин и волшебник, рожденный вдалеке от плоти того мира, где ему пришлось сражаться. Он происходил из загадочной Долины магов, таинственного места в Междумирье, где испокон веку жили одни из сильнейших чароде-ев Упорядоченного. Фессу давно прискучила размеренная жизнь Долины; он покинул ее, сделавшись воином и прознатчиком Императора в мире Мельина.

Фесс оказался тем единственным, кто в воцарившейся сумятице сумел-таки понять, что же нужно делать. В завязавшемся сражении, когда легионы Мельинской Империи сошлись с воинством гномов, несших с собой Драгнир, и отрядом Дану, направляемых и ободряемых Иммельсторном, Фессу удалось оказаться рядом со столкнувшимися наконец в последнем бою Алмазным и Деревянным Мечами...¹

ЗАЧИН

Фесс неподвижно висел в пустоте Междумирья, с трудом приходя в себя после так и не достигшего Долины заклатья.

Едва ли ему дадут уйти невозбранно. Если правда все то, что он вполуха слушал на занятиях еще дома, в Долине, если правда то, о чем нехотя, намеками да экивоками иногда говорила Клара², если правдивы его собственные предчувствия, то в покое его не оставят. Фесс не льстил себе. Против *такой* мощи ему, одиночке, не выстоять, особенно здесь, в пустоте, в Межреальности, где бесполезны все его боевые навыки и где спор идет на языке чистой магии, в которой ему, что греха таить, далеко до той же Сежес³, не говоря уж...

И если все-таки тут допущена ошибка, уж лучше пусть он потом поломает себе ноги и до крови сотрет руки, чем в одночасье лишится головы. Потому что никогда нельзя с уверенностью сказать, на что окажутся способны враги, обладающие магическими способностями, тем более такими, как у мельинского сообщества магов, семицветной Радуги.

Так что уж лучше он поостережется.

Фесс перевел дух и начал работать. И работал до тех пор, пока ослепительная вспышка боли не возвестила о том, что кое-что ему удалось.

* * *

...Фесс падал. Черная воронка стремительно засасывала его. Спеленутый мраком, беспомощный, еще не пришедший в себя после отдачи от

¹ Об этих и других событиях подробно рассказано в романе «Алмазный Меч, Деревянный Меч».

² Клара Хюммель — персонаж романа «Алмазный Меч, Деревянный Меч», жительница Долины магов, могущественная волшебница, боевой маг по найму, глава Гильдии боевых магов, наставница Фесса.

³ Сежес — маг, глава одного из Орденов Радуги.

низринувшегося в пустоту разрушительного заклатья, он не мог бороться. Он чувствовал, как в него вперились горящие ненавистью, раскаленные взгляды; шесть существ, шесть могущественных сущностей смотрели на него, и для этих взоров не были преградой ни Реальность, ни Междумирье. Ему захотелось исчезнуть, превратиться в мельчайшую частицу сущего, скрыться там, на самом дне мироздания; страх, какой ему еще не доводилось переживать, рвал на части душу; ослепшие глаза не видели ничего, кроме тянущихся к нему сквозь мировые провалы шести парных огненных нитей — как будто вражьи взгляды внезапно обрели плоть.

Безжалостная сила мяла и рвала его, чужие невидимые пальцы норовили пробраться вглубь, разворошить память, вывернуть ее наизнанку, безжалостно и раздраженно вытрясти все мало-мальски ценное, подобно ночному грабителю, вместо тугого купеческого кошелья случайно ухватившему рваную суму уличной попрошайки. Однако грабитель чувствует, что на самом дне, под грязной ветошью, корками и медяками спрятан золотой, большой, настоящий золотой, — и потому не унимается. Фесс не сопротивлялся. Он даже ощутил нечто вроде гордости: сумел, предвидел, предугадал! Клара Хюммель осталась бы им довольна. Ощутил — и тотчас же изорвал предательскую мысль в мелкие клочки и вышвырнул прочь из сознания. Если учуют — беда, все труды насмарку. Но как же быстро, однако, его отыскали! Наверное, следили специально, не упускали из виду — потому что по одному только астральному следу так быстро найти его невозможно. По крайней мере, он о способных на такое не слышал, но мало ли о чем он никогда не слышал!

Тем временем продолжало работать его собственное заклатье, нужно было продержаться еще немного, еще чуточку, прежде чем *они* заметят и нанесут ответный удар. Залог успеха — стремительность и неожиданность. Лобового столкновения ему не выдержать, как храбрая, но вооруженная лишь луками да стрелами пехота не выдержит фронтального удара окольчуженной конницы с длинными пиками.

Падение превратилось в полет. Сердце готово было птицей вырваться из груди — что делать, плоть слаба; но, если ему удастся продержаться, *они*, кем бы ни оказались, не допустят его гибели. Разъяв опоры Межреальности у него под ногами, *они* рассчитывали на естественный для человека ужас, потерю себя; *они* рассчитывали даром заполучить то, что хотели, — он не поддался. И теперь *им* оставался только один путь — долгий, обходной и

трудный. Правда, и он, Фесс, увы, не останется прежним — слишком уж велика цена.

И когда сознание начало наконец гаснуть, он успел заметить, что падение приостановилось. Те, что умели жонглировать слоями Межреальности, словно детскими игрушками, признали свое поражение. Точно подушку, долженствующую смягчить падение, они подсовывали Фессу мир.

Он еще не успел порадоваться победе, не успел блаженно смежить веки, проваливаясь в мрак спасительного забытья, когда они нанесли еще один, последний удар, оказавшийся самым страшным.

«Тысячами незримых нитей обвивает тебя Закон. Разрубишь одну — преступник. Десять — смертник. Все — Бог!»

Эвенгар Салладорский, основатель Школы Тьмы.

(Извлечено из преданного анафеме и сожжению трактата «О сущности инобытия», Салладор, 1176 год от Пришествия.)

ПРОЛОГ

СЕВЕРНЫЙ КЛЫК

Море Ветров оправдывало свое название. Третьи сутки, не переставая, свирепствовал ветер; на море он поднял бурю, на сушу же обрушил потоки ледяного ливня, смешанного с острым градом. Впрочем, непогоде удивляться не приходилось. Весна на побережье Северного Клыка приходила поздно, тундра в предгорьях расцветала, словно торопясь взять все что можно от коротких теплых дней; зато вне защиты гор, на обращенном к вечному льду побережье, холодный ветер брал реванш за краткое отступление.

Невозможно было даже понять, ночь сейчас или день: небо закрыли тучи столь плотные и черные, что солнечный свет совершенно померк; серо-зеленые валы, взяв разбег, с неистрачиваемой яростью штурмовали гранитные бастионы прибрежных скал, и, судя по обилию острых каменных обломков в кипящей белой полосе прибоя, штурм этот частенько венчался успехом.

Открытая всем ветрам, на исполинском красноватом утесе, добрых пять сотен локтей высоты над бушующим морем, стояла древняя башня, сложенная из покрытого седым серым мхом дикого камня. Несмотря на годы, башня не поддавалась ни ливням, ни ветрам; и, несмотря на царившее вокруг запустение, в верхнем оконце башни горел огонек. Тонкий

лучик света пробивался сквозь узкую щель в тяжелых ставнях; и это был один-единственный огонь на много-много лиг вдоль Северного Клыка и дальше, по бесплодным и унылым тундрам.

В верхнем покое ровным светом горела магическая хрустальная лучина; яснее ясного, что обитатель этой башни был чародеем. За столом, склонившись над желтоватым пергаментом, сидел высокий сутулый старик, лысый, с редкой неопрятной бородой, свисавшей на стол длинными засаленными прядями. Старик что-то очень старательно писал; выводя вычурные руны Древней Речи, он, словно школяр, склонял голову набок и высовывал язык. Перо ползло еле-еле, правда, штрихи, росчерки и завитушки складывались в неправдоподобно правильные начертания рун, каким позавидовал бы и сам мастер Каллиграф, декан соответствующего (ныне, впрочем, увы, упраздненного за ненадобностью) факультета Академии, который за глаза студиозусы с профессорами презрительно именovali не иначе как «школа чистописания». Ну скажите на милость, кому сейчас нужна архаичная, вырождающаяся магия рун, где малейший волосяной штрих, легший не так, как надо, может полностью извратить заклятье?

«Эх, Парри, Парри, только в чистописании-то ты и преуспел, — горько подумал старик. — Вот и сиди, доживай теперь свой век на краю света, где только с моржами да крачками и поговоришь. И делать здесь совершенно нечего, прорыв может произойти где угодно, только не здесь — иначе сюда отправили бы кого помоложе. Да не одного, а пару-тройку. Эх, да что там говорить, если все, что тебе оставили, — писать никому не нужные донесения!»

«За истекшие сутки на вверенном Вашей Милостью моему попечению участке ничего существенного не произошло... Отмечены перемещения: упырей снежных — две единицы, гадов перепончатых пролетных — шесть единиц. Изменений в астральной составляющей не отмечено. Астрало-зависимых существ не отмечено. Старший наблюдатель Парри, башня Сим, Северный Клык». Дата, подпись. Когда-то от подписи Парри приходил в восторг сам престарелый мастер Каллиграф, суля своему любимому ученику если не всемирную славу мага рун, то, по крайней мере, теплое местечко на кафедре — сперва ассессора, потом адъюнкта, а потом — чем Тьма не шутит? — так даже и профессора. Пусть не полного, хотя бы приданного, но и это уже казалось молодому тогда Парри блестящей карьерой. И где все эти мечты?... Где честолюбивые планы в один прекрасный день совершить наконец нечто такое, отчего к любимой магии рун, магии

начертанных знаков враз вернется ее прежнее высокое положение?.. Все погибло, все растаяло, все развеялось, подобно тому сакраментальному «дыму под ветром», и теперь удел Парри — ломота в суставах и неотвратимое чувство приближающегося *приближения* (о, мастер Каллиграф, прости мне этот оборот!). И осознание, что жизнь — позади и все, что осталось, — это угрюмый каменный покой, изморозь по углам, источенная жуками мебель (Парри так и не удалось подобрать соответствующего рунного заклинания, а иные, из других областей, в его исполнении попросту не сработали), скудные припасы, мрак, мгла, одиночество... Другие, еще более бесталанные маги, но сумевшие остаться пусть даже на самой ничтожной должностишке в цивилизованных и населенных местах, могли, по крайней мере, рассчитывать на то, что сумеют найти нового адепта, способного к обучению аколита. Конклав высоко ценил каждого открытого неопфита, пусть даже тому и не удавалось поступить в Академию или же он оказывался отчислен после первого же семестра. Но в таких местах, как Северный Клык, мечтать об открытии аколита не приходится — скорее уж ему, Парри, повезет первым засечь начавшийся прорыв.

Однако вспыхнувшая надежда оказалась настолько острой, Парри настолько явно представил себе, как в дверь его стучится... ну, скажем, заброшенный сюда бурей мореход с Волчьих островов, и Парри смотрит на него и видит...

Рука волшебника сама потянулась и открыла потайной ящик. Старый стол давно скособочился и разохся, ящик удалось вытянуть лишь с большим трудом; на изрядно обтрепанном, вытертом черном бархате лежало простое серебряное кольцо, без всяких камней, украшенное лишь одним гербом Парри — гербом, который безродный сын сапожника из южного Эбина получил, закончив Академию.

Парри осторожно коснулся пальцами черного серебра. Кольцо аколита. Его он вручил бы тому, в ком ощутится Сила, достаточная, чтобы посягнуть на обучение в Академии. Неофит придет на поступление, имея это кольцо на пальце — одно-единственное простое кольцо вместо всяких там рекомендательных писем и тому подобного. Кольцо послужит и пропуском, и проводником. Его невозможно ни украсть, ни подменить, ни потерять. Никакой другой человек, пусть и втрое сильнее, не сможет им воспользоваться. Именно по этому кольцу ректорат и определит, кто конкретно послал ученика, кто первым открыл в нем дар чародейства. Сумевшему совершить такое полагалась награда. Самое меньшее, на что

мог рассчитывать Парри, — перевод из этих Спасителем проклятых мест куда-нибудь на юг, в Мекамп или Эгест; да что там Мекамп или Эгест! Парри согласился бы и на жаркий Кинт, и на заносчивый Салладор, лишь бы выбраться отсюда. А уж Семиградье или Империю он воспринял бы как наивысшее блаженство.

Старик всхлипнул. О чем он мечтает, о чем? Здесь нет и неоткуда взяться ни единому живому существу. Моряки Волчьих островов не заходят за Северный Клык: в тундре не с кого брать добычу, а китов с моржами проще и ближе добывать южнее и западнее. Вдобавок ярлы и таны морского народа не скупятся, и потому у них на службе всегда самые лучшие мастера погоды, каких только можно найти за деньги и какие соглашаются служить этому разбойному племени, — впрочем, надо сказать, что отказывали им весьма и весьма редко.

Парри медленно задвинул жалобно скрипнувший ящичек. Наверное, он так и умрет здесь, в круглой комнате с голыми каменными стенами, при одном взгляде на которые хочется немедленно повеситься. Кольцо останется лежать невостребованным — точнее, его востребуют только люди из ведомства мастера Архивариуса, едва лишь известие о его смерти дойдет до Академии. Парри представил: чужие руки, открывающие стол, касающиеся постаревшего серебра... потом кольцо навеки упокоится в недрах необъятного хозяйства архивистов, и о нем, Парри, сотрется последняя память.

Несколько минут старик сидел неподвижно, заледеневшим взглядом смотря на пляшущий язычок холодного яркого огня. Потом вздохнул и вновь взялся за письмо. Что бы он ни думал, долг перед Академией должен быть выполнен сполна.

Парри несколько раз перечитал короткий текст. Парой неумовимых движений, едва касаясь пером, подправил какую-то руну. Пониже собственной подписи поставил число — 11 марта 1497 года от Пришествия. Теперь все было готово. Оставалось только воспользоваться кристаллом — хвала богам старым, новым и вообще всем, какие только есть, тут ему не приходится напрягаться. Академия предусмотрительно снабжает своих наблюдателей, разбросанных по всей необъятной Ойкумене, такими вот артефактами, позволяющими в мгновение ока перенести в Ордос любое послание. Правда, ни на что другое красивые голубые камни способны не были, но для Парри и это являлось спасением.

Само чародейство было не из сложных. Фактически с ним справился бы любой неофит, если б не запрет Академии, не поскупившейся на охранные заклятья. Парри аккуратно положил кристалл поверх желтоватого свитка, привычно закрыл глаза и сосредоточился.

Хрустальный светец внезапно мигнул. Холодное негасимое пламя замесалось, словно в панике, и в следующий миг погасло. Парри оторопел, так и замерев с полуоткрытым ртом: на свете *не существовало* силы, способной преодолеть это заклятье, сплетенное в позабытые времена еще самым первым Магом. Даже всемогущая Тьма, о которой истинные чародеи боятся даже и думать, не способна на такое.

Спустя мгновение лучинка засветилась вновь. Прежним, успокоительным, мирным светом. Однако от этого Парри стало еще хуже. Дрожащими руками старик уже срывал одну за другой покрытые пылью печати со старинных свитков — его собственный заветный арсенал, берегавшийся на случай истинного *прорыва* и вот наконец дождавшийся своего часа.

Тьма пошла в атаку. А он так надеялся, что...

Вой ветра за ставнями сменился рвущим слух грохотом. Щели полыхнули белым, словно при вспышке молнии. Башня содрогнулась от фундамента до венчавшего ее острого железного шпиля — однако в следующий миг все стихло. Руки Парри замерли, уже готовые развернуть один из свитков; но мгновения текли, все оставалось спокойно, снова завыл ветер, ровно горел хрустальный светец, и замерший над рунами маг вновь ощутил спокойное, незамутненное течение Силы. Астрал вновь замер во всегдашнем своем хаосе, как бы ни казались противоположными по смыслу эти слова: «замер» и «в хаосе».

А еще несколько мгновений спустя кто-то из всех сил забарабанил в дверь башни. Остолбенев и не доверяя себе, Парри воззрился на стоявшую в углу хитроумную установку — переплетение зубчатых колес, нагревательных колб, противовесов, червячных передач и обратных холодильников; от этого устройства пришел бы в ужас мастер Алхимик, однако машина, в чьем сердце скрывался кристалл, зачарованный самим ректором Академии, и в чьих колбах кипели не имевшие названий на старых человеческих языках субстанции, — машина эта умела четко опознавать тварей *прорыва*, и в этом Парри вполне полагался на нее.

Как и положено, машина пребывала в покое. Судя по всему, никакого *прорыва* и впрямь нет. А стучится в двери его...

Парри взял в руки светец и начал спускаться по лестнице. Из трех ярусов башни жилым был только один, самый верхний; в двух других хранились припасы и еще какой-то хлам, разобрать который у старика никогда не доходили руки, хотя, казалось бы, особых дел у него не наблюдалось и простой человек, наверное, просто помер бы тут со скуки. Простой человек, но не волшебник, пусть даже выпускник факультета рунной магии, давным-давно превращенного в заштатную кафедру.

Дверь башни, тяжеленная, из старой наговорной бронзы, была заперта на три засова. По углам скопилась наледь, Парри мгновенно продрог до костей — тепло держалось лишь в самом верхнем ярусе его обиталища.

— Кого там Тьма несет? — придавая голосу пристойную строгость, что было сил крикнул он.

Неистовый стук в дверь прекратился. Тот, кто был снаружи, что-то ответил, но на каком-то странном языке, Парри не разобрал ни одного слова. Правда, в интонациях ошибиться было невозможно — ночной гость просил убежища. И он явно замерзал.

Но откуда же он взялся тут, в ледяной пустыне, где почти всюду еще не тронутый оттепелями снег?..

Догадка пришла сама собой: а не появление ли этого гостя возвещало так напугавшее Парри возмущение магических сил? Но тогда — кто он такой? Посыльный Академии? Вздор, тогда использовалось бы совсем иное волшебство.

Парри заколебался. Открыть дверь Тьма ведает кому?..

Отчаянный стук в дверь возобновился. Гость что-то выкрикивал, слова оставались непонятны, но ужас и боль Парри чувствовал безошибочно. Пришелец не искал боя или добычи, он сам нуждался в защите и тепле; помедлив еще чуть-чуть, Парри наконец отодвинул засовы.

Ворвалось облако пара, и, с трудом шагнув через высокий порог, на полу башни распростерся полуголый человек в лохмотьях, какой никогда бы не смог сам добраться до Северного Клыка холодной здешней весной.

Парри поспешно задвинул засовы и подхватил упавшего под руки. Открылось бледное, совсем еще молодое лицо, совершенно седые, несмотря на невеликие года, волосы над высоким лбом; кожа маслянисто блестела. «Кажется, парень не успел всерьез обморозиться», — подумал Парри и, пытаясь, потащил тяжелое тело вверх по лестнице.

Все дальнейшее руки старика уже делали сами. Горячий эликсир, несколько рунных свитков (Парри не без гордости подумал, что руки у

него по-прежнему не дрожат, когда и впрямь доходит до *дела*) — и парень, застав, открыл глаза.

— Все хорошо, все хорошо, мальчик, — ласковым голосом сказал Парри. — Все в порядке, только полежи смирно, полежи тихо, пока снадобье подействует...

Было совершенно неважно, что именно говорить, лишь бы это звучало успокоительно и дружелюбно. Парри старался не делать резких движений — гость поразительно быстро приходил в себя, никаких следов холодового шока, никаких следов шока от магии...

От *магии*?! Стоп! Парри с трудом заставил себя подняться со стула спокойно и размеренно, а не вскочить и броситься, несмотря на донимающие боли в спине и ногах.

Дрожащими руками Парри достал из потайного ящичка заветное серебряное кольцо. Надел юноше на палец — и серебро отозвалось глубоким мелодичным звоном, словно кто-то ударил в небольшой колокол. Извивы на гербе засветились мягким жемчужным светом.

Парри без сил рухнул обратно на стул. Так и есть. Ну конечно же. Как он сразу не догадался: парень наделен способностью чувствовать и использовать Силу.

Конечно, Парри поступил так только из-за полной безнадежности: кольцом аколита нельзя было проверять каждого встречного и поперечного. Ищущий учеников для Академии маг обязан был сперва долго приглядываться, присматриваться, осторожно, что называется, «по касательной» прощупывать подающего надежды; кольцо пускали в ход, лишь когда надо было вынести окончательный вердикт. Вместо использованного Академией присылала удачливому в поисках чародею новое; но если силы кольца оказывались растрочены впустую, неприятностей не избежать, и притом достаточно крупных. Ссылка в дикие места, подобные Северному Клыку, еще могла рассматриваться как милость.

— Великий Свет, — истово взмолился Парри, — сделай так, чтобы он был *пригоден*!..

Парень недоуменно следил за действиями старика. Однако влитое в гостя снадобье начинало действовать, отяжелевшие веки закрывались; несколько мгновений спустя человек крепко спал. А Парри, забыв о сне и пище, выпотрошив все свои запасы пергамента, стремительно чертил все новые и новые руны. Он хотел знать все, но главным образом — способен ли этот странный гость стать учеником. Старика не особенно интересовало

ни то, откуда этот человек взялся, ни что ему здесь надо. Представился отличный шанс вырваться из этого ледяного плена; а что там будет дальше — пусть разбираются милорд ректор с деканами. Он, Парри, должен получить позволение переселиться в более благополучные края; о дальнейшем же можно не думать. Как бы там ни было, умирать здесь, в нищете и забвении, на Северном Клыке, старик не хотел.

За окнами не унималась буря. Парри потерял счет времени, забыл о сне и еде. Обложившись свитками, он чертил, считал и вычислял. Цифры тоже могут оказаться полезными, даже в таком деле, как магия, — и чем дальше скользило перо, тем светлее становилось на душе Парри.

Да, этот мальчишка был магом. Сильным магом, с прекрасными задатками. Академия могла сделать из него хорошего погодника, толкового мастера полей, деятельного строителя, чьи здания не обвалятся и не рухнут, хоть бей в них тараном, и где огонь будет умирать сам, без вмешательства пожарных. И Академии будет совершенно неважно, как и откуда он попал сюда. Этим займутся специалисты, мастера проникновения в неведомое — в то время как сам мальчик станет честно исполнять свой долг... или нечестно, но к Парри это уже никакого отношения иметь не будет.

Но для этого оставалось выяснить еще кое-что. Мечты Парри были прекрасны, нужно было лишь, чтобы его гость *позволил* проделать все это с собой, а принимая во внимание обстоятельства его появления здесь, уверенным нельзя было быть ни в чем.

И потому Парри потратил несколько часов на вычерчивание умопомрачительно сложной комбинации рун, чего ему не приходилось проделывать с молодости; однако мастер Каллиграф наверняка остался бы доволен своим лучшим учеником, память Парри цепко хранила все потребные сведения.

Когда за окнами наконец забрезжил слабый и робкий свет, Парри уже знал все, что ему было нужно. Знал — и едва удерживался от того, чтобы не пуститься в пляс.

Он тщательно приготовился к тому моменту, когда его гость проснется. Все, прошедшие Академию, — хорошие знатоки языков и наречий; они умели объясниться, даже если речь собеседника оказывалась совершенно непонятной.

Наконец парень открыл глаза. Парри не без удовольствия отметил, что взгляд у его гостя совершенно осмысленный, однако, как и положено,

несколько растерянный. Наморщив лоб, юноша переводил глаза с ласково улыбающегося Парри на собственную руку и обратно.

— Парри, — сказал старик, прижимая руку к сердцу. — А ты кто? — И он тем же жестом приложил ладонь гостя к его груди.

Тот на миг замешкался, однако быстро сообразил, что от него хотят. Уже открыл рот, чтобы назвать свое имя... и внезапно осекся, словно налетев на всем ходу на незримую преграду. Недоуменно потер лоб. Помассировал виски. Потряс головой; словом, проделал все то, что обычно делает человек, внезапно забывший свое собственное имя.

Парри удовлетворенно вздохнул. Он не ошибся, рунная магия не ошиблась, и прав был мастер Каллиграф, предсказывая ему, Парри, большое будущее! Мальчишка побывал под прессом какого-то страшного, навек впечатавшегося в него заклятья; и, если верить рунам, память у ночного гостя сейчас оказывалась очень и очень прореженной. Он не должен был помнить ни себя, ни своего прошлого, ни даже своего имени. Он ничего бы не смог рассказать о том, откуда он взялся здесь, зачем явился и куда направляется. Разумеется, если как следует покопаться в его глубинной памяти, что-нибудь, возможно, и откроется — но эти высокие материи были уже не по плечу скромному магу-каллиграфу. Парень, конечно же, не превратился в младенца, и узнать кое-что о его прошлом можно, просто понаблюдав за тем, что у него будет получаться лучше всего. Но это в задачу Парри уже не входило. Сейчас самое главное — научить чужака хоть немного говорить на эбине, широко распространившемся имперском языке, имевшем хождение от Волчьих островов до Огненного Архипелага и от Утонувшего Краба до Восточной Стены. Пусть об остальном болит голова у достопочтенных завсегдатаев Ордоса. Ему, Парри, нужно просто выбраться отсюда. Тьма, Тьма и еще раз Тьма, даже если этот парень — сам Разрушитель во плоти, ему, Парри, это все равно. Он успеет умереть в довольстве, тепле и уюте прежде, чем кошмар Последнего Дня сделается реальностью.

Старик вздохнул, пододвинул поближе к лежанке старый скрипучий стул и протянул вовремя пришедшему гостю миску с горячей похлебкой. Парень благодарно кивнул, неловко улыбнулся и взял ложку. Парри усмехнулся. Через месяц этот молодчик у него заговорит по-имперски; пусть и не как сенатский ритор, на уровне варвара с мекампского пограничья — на первое время сойдет. А что будет дальше — не его, Парри, забота.

Серебряное кольцо, ставшее внезапно очень тяжелым, приятно оттягивало карман старика.

* * *

Он шел безостановочно и без усталости. Казалось, земля сама текла ему под ноги, препятствия и преграды он оставлял позади играючи. Горы расступались, в непроходимых чащобах внезапно находились тропки, реки послушно подставляли твердые спины бродов. Он покинул Северный Клык в разгар короткого приполярного лета, оставил позади переполненные птицами тундры, перевалил через невысокие восточные отроги Железного Хребта и двинулся дальше, по самой границе Вечного леса и вплотную подступившей тут к нему Великой степи. Трудно сказать, какие силы извели лес на огромных пространствах, на которых следовало бы простираться дремучей тайге, — однако вместо чащоб и буреломов тут колыхалось целое море невысоких трав, солнце здесь было еще слишком слабым, чтобы взрастить настоящее степное изобилие. Замекампские варвары сюда заходили редко: охота плохая, добычи мало. Они предпочитали «добывать зипуны», как выразился Парри, на мекампской границе, где легко можно было получить арбалетную стрелу с дозорной башни, но так же легко — при удаче — можно было и обогатиться.

Он не боялся. Старик Парри замучил его советами, как вернее избежать подстерегавших и в степи, и в лесу опасностей; как обмануть бдительность выползающих ночами на степной окоем огров, подстерегающих случайно забредший табун диких онагров, порой уходивших за сотни лиг от обычных своих путей; как укрыться от эльфийского дозора, молчаливого и беспощадного, чьи отравленные стрелы разят без промаха и к чьим ядам еще никому не удалось подобрать противоядий; как следует разговаривать с темными эльфами Нарна, если повезет встретить их отряд, чтобы они позволили идти с ними; и, наконец, как и с кем надлежит держать себя и вести беседы, когда доберешься до Мекампа. Он запомнил все, у него оказалась превосходная память; освобожденный от груза воспоминаний, но не от своих способностей, он впитывал этот мир в себя, как губка.

Ему неожиданно стало легко. Несмотря ни на что, он помнил свое *настоящее* имя. Четыре буквы, короткое слово, более похожее на кличку для лошади или охотничьего пса, — Фесс. Он помнил, что был воином; помнил, что владел магией; но здесь, в странном мире, который его обитатели называли Эвиал (от «вместилище жизни» на древнесалладорском языке, прапатери всех остальных наречий), его мастерство не действовало.

СОДЕРЖАНИЕ

От автора	5
Что было раньше	7
Зачин	8
Пролог. Северный Клык	11
Глава I. Академия высокого волшебства	25
Глава II. Факультет малефицистики, сиречь злоделания	64
Глава III. Кафедра некромантии	112
Глава IV. Досрочный выпуск	150
Глава V. Некромант за работой	211
Глава VI. Деревня отлученных	256
Глава VII. Наследство Салладорца	284
Глава VIII. Судьба Арвеста	327
Эпилог I. Странствующие в ночи	366
Эпилог II. Путь в Ничто	370